

DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-318-332

Научная статья

Международные отношения в Большом Индийском океане через призму концепций геополитики и геостратегии

Н.Б. Лебедева

Институт востоковедения РАН, Москва, Российская Федерация

Статья посвящена анализу некоторых концепций и геополитических подходов к системе международных отношений в Индийском океане, позже — в Большом Индийском океане (БИО). Именно концептуальные подходы давали и дают возможность понять систему и структуру региона, проанализировать эволюцию, тренды и практику в этой системе. В последние десятилетия регион эволюционировал от мозаичности стран и хаотичности межгосударственных связей в первые постколониальные годы до качественно иной, чем прежде, расширенной и центральной роли в мировой политике и геостратегии в силу новых факторов XXI в., многие из которых так или иначе находили отражение в теоретических идеях международных отношений (МО), предлагаемых индийскими учеными. В статье проанализировано соотношение подходов индийских авторов с западными подходами, выявлены особенности индийских подходов в контексте особенностей системы международных отношений Индоокеанского региона, а также определены сходства с подходами специалистов других азиатских стран. Эволюция региона и, как следствие, концепций индийских ученых прошла в своем развитии три этапа. Первый этап — это постколониальный период до 1991 г., года краха биполярной системы МО. Для второго этапа было характерно становление системы в условиях выхода прибрежных стран на ее авансцену и начало активного проникновения Китая в Индийский океан. Суть третьего этапа заключается в перестройке МО в БИО в силу концепции «объединения с АТР» и формирования Индо-Тихоокеанского мегарегиона (ИТР).

Ключевые слова: Индийский океан, Большой Индийский океан, геополитика, геостратегия, теория международных отношений, индийская школа МО, АТР, ИТР

Для цитирования: Лебедева Н.Б. Международные отношения в Большом Индийском океане через призму концепций геополитики и геостратегии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 2. С. 318—332. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-318-332

Research article

International Relations in the Great Indian Ocean through the Prism of Geopolitics and Geostrategy

N.B. Lebedeva

Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to an analysis of some concepts and geopolitical approaches towards the international relations in the Indian Ocean, later the Great Indian Ocean (GIO). It is the conceptual approaches that have given and give the opportunity to understand the system and structure of the IO region and to analyze the evolution, trends and practices in this system. In recent decades, the region has evolved from the mosaic of countries and the randomness of interstate relations in the first postcolonial years to a qualitatively different than before, expanded and central role in world politics and geostrategy due to new factors of the 21st century, many of which were somehow reflected in theoretical ideas of international relations (IO), proposed by Indian scholars. The article analyzes the correlation of

© Лебедева Н.Б., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

approaches of Indian authors with Western approaches, reveals the features of Indian approaches in the context of the characteristics of the IR system of the Indian Ocean region, and identifies similarities with approaches of specialists from other Asian countries. The evolution of the concepts of Indian scientists has gone through three stages in its development. The first one is a postcolonial period till 1991, the end of bipolarity. The second is characterized by forming of the IO system under conditions of littoral states entrance in the IO scene and China intrusion in the Indian Ocean region. The essence of the third period is in transformation of the GIO IR system in force of the concept of uniting with the Asia-Pacific Region (APR) and forming Indo-Pacific megaregion.

Key words: Indian Ocean, Great Indian Ocean, geopolitics, geostrategy, theory of international relations, Indian School of IR, Asia-Pacific, Indo-Pacific

For citation: Lebedeva, N.B. (2020). International Relations in the Great Indian Ocean through the Prism of Geopolitics and Geostrategy. *Vestnik RUDN. International Relations*, 20 (2), 318—332. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-318-332

Введение

Уже при первом взгляде на карту Индоокеанского региона бросается в глаза его природная очевидность: основой региона, на которой он держится, является водное пространство, объединяющее берега трех континентов, придающее ему своеобразную симметрию и законченную конфигурацию, особенно в сравнении с бесформенным огромным пространством Тихого океана или системой длинного коридора Атлантики. В целом регион выглядит как перевернутая английская буква W.

Концептуальные подходы давали и дают возможность понять систему и структуру Индоокеанского региона, проанализировать эволюцию, тренды и практику в этой системе, столь мозаичной по составу государств и хаотичной по характеру взаимосвязей между ними, аморфной и пестрой во многих отношениях (разные историческое прошлое, цивилизации, культуры, религии, людской и ресурсный потенциал, уровни экономического развития, политическое устройство и т. п.).

Профессор Университета им. Дж. Неру в Дели Сидхартх Маллаварупу справедливо отмечает, что на первом этапе развития теоретической мысли применительно к МО в Индийском океане индийские ученые исходили из западных посылов, позже начав применять их с учетом реалий Индии и Южной Азии, в большей мере касаясь вопросов безопасности [Mallavarapu 2009]. Затем они пошли по пути конкретизации отдельных направлений в рамках теории международных отношений (ТМО) — анализ конфликтов, проблема неустойчивости границ, взаимосвязи внутренней

и внешней политики государства, место Индии в Южной Азии и мире, внешняя политика Индии и т.п.

С. Маллаварупу, а вслед за ним целый ряд других экспертов, считает, что долгое время процесс развития ТМО в Индии был маргинален, но, тем не менее, активен: были организованы национальные центры изучения и обучения МО, к исследованиям привлекалось молодое поколение, расширялись горизонты индийской ТМО, её вклад в общемировой дискурс постепенно становился все значительнее [Mallavarapu 2009].

Особое место в теоретическом дискурсе заняли концепции по проблемам МО и безопасности в Индийском океане и роли в нем Индии после «ухода Британии к Востоку от Суэца». По мнению известного политолога С.Р. Мохана, одним из первых центров разработки указанных вопросов, как и исследований МО в целом, стал Институт оборонных исследований и анализа в Дели (IDSA). Он был создан по инициативе бывшего высокопоставленного и опытного государственно-чиновника К. Субрахманиама, который, отойдя от официальных должностей и практической деятельности в сфере внешней политики, в 1968 г. стал его директором. К. Субрахманиам лично занялся изучением ТМО, добился проведения в стенах Института независимых исследований (вне партий, вне госструктур, вне западных или восточных воззрений и т. п.) и привлек к работе широкий круг специалистов со свежими взглядами [Mohan 2011: 154—155].

Предлагаемая статья посвящена появлению новых и эволюции прежних концепций и

геополитических подходов в силу ключевых сдвигов в МО индоокеанской зоны на разных этапах. Первый этап продолжался до 1991 г., вплоть до распада биполярной системы МО, когда подъем прибрежных, в основном развивающихся, стран и постепенное осознание ими своей значимости в регионе происходили в условиях холодной войны и жесткого противостояния здесь двух сверхдержав — США и СССР. Для второго этапа были характерны формирование нового формата БИО — уход СССР из региона, активное проникновение Китая в Индийский океан, формирование «треугольника» Индия — США — Китай, поворот Индии на Восток. Наконец, суть третьего этапа заключается в заметной перестройке МО в БИО согласно новой концепции «объединения с АТР» и формирования Индо-Тихоокеанского региона (ИТР). В данном процессе Индия играет одну из ключевых ролей и занимает особые позиции.

Первый этап

Пионером индийской геополитики был историк, известный дипломат и влиятельный общественный деятель К.М. Паниккар. В контексте темы в первую очередь привлекают внимание его работы, непосредственно касающиеся МО в индоокеанской зоне. К.М. Паниккар первым заявил, что будущее Индии будет решаться на море и будет неразрывно связано с ее успехами в зоне Индийского океана. Он смело предугадал горячие точки в регионе и выдвинул ряд концептуальных гипотез, которые со временем оказались весьма востребованными.

Сразу после окончания Второй мировой войны К.М. Паниккар представил концепцию создания многостороннего механизма взаимодействия стран Индийского океана, предложив учредить «региональный совет», который работал бы под эгидой формировавшихся в те годы ООН и ее Совета Безопасности. Центром такого «совета» была бы Индия вместе с индоокеанскими странами, заинтересованными в мире и безопасности, а также в политическом и экономическом развитии региона [Panikkar 1945b: 251].

В 1947—1949 гг. К.М. Паниккар был одним из тех, кто призывал к созданию океанического флота Индии и активно выступал в поддержку идеи о превращении Индийского океана в «Индийское море». К.М. Паниккар стал первопроходцем и в оценке стратегической важности соседнего региона Юго-Восточной Азии (ЮВА), индийских Никобарского и Андаманского архипелагов в Бенгальском заливе в качестве форпостов наблюдения, например, за Малаккским проливом [Panikkar 1945a: 96]. Отдельно он выделял потенциал всего Бенгальского залива как основы для создания зоны безопасности Индии на стыке Индийского и Тихого океанов, а также подчеркивал необходимость строительства авианосцев, военно-морских и военно-воздушных баз в Сингапуре, на Шри-Ланке и на о. Сокотра [Panikkar 1945a: 116]. Однако ни индийское руководство, ни аналитики не обратили внимания на стратегическую значимость указанных территорий для национальной обороны Индии.

В этом отношении характерна точка зрения, например, сотрудника Института оборонных исследований и анализа в Дели, профессора Т.Т. Пулоза, который полагает, что мечта К.М. Паниккара об океаническом флоте в те годы была фактически нереализуемой. Ученый подчеркивает, что разного рода идеи, вынашиваемые в Индии относительно создания крупного флота, могли бы только многократно усилить подозрительность малых и довольно слабых прибрежных стран и привести к размежеванию в регионе, чрезвычайно опасному для стратегического баланса [Poulose 1974: 33—49, 177—189, 190—200]. К.М. Паниккар довольно долго оставался редким исключением в разработке морских концепций в научной среде страны [Куприянов 2019: 237—238].

Со временем индийские аналитики обратили внимание на геофизические особенности океана. Так, известные ученые Б. Сен Гупта, Т.Т. Пулоз и Х. Бхатиа поставили в центр своего анализа одну из стратегически важных черт геофизической структуры региона — узкие и сложные подходы к Индийскому океану. На примере Малаккского пролива

с его огромной стратегической, торговой и коммуникационной ролью они выстроили целостную концепцию, сфокусировав внимание на комплексе противоречий, новых по своему характеру, которые возникают, когда относительно слабые развивающиеся государства пытаются установить контроль над территориальными водами в ряде точек Индийского океана. Среди таких противоречий — расхождения между национальными интересами и националистическими амбициями некоторых прибрежных стран, между национализмом и глобальными интересами ведущих морских держав, а также принципами использования морских коммуникаций в широком смысле, стремлением отдельных групп государств общими усилиями защитить собственные национальные интересы и природные ресурсы [Sen Gupta, Poulouse, Bhatia 1974].

К числу тех, кто первым попытался выяснить, какие государства являются акторами МО в этой зоне, принадлежал индийский эксперт Р.С. Шарма. В своей концепции он исходил из социально-экономического анализа положения региональных государств, их места и роли прежде всего в экономической составляющей международных отношений, особенностей их взаимоотношений с бывшими метрополиями. На обширном статистическом материале он показал, что в странах Индоокеанского региона преобладал в целом аграрно-сырьевой тип экономики; производство машин, оборудования и технологий отсутствовало либо находилось на низком уровне; не хватало продовольствия и топлива при наличии больших запасов других ресурсов в регионе; развитие внутри региональных торгово-экономических связей было явно недостаточным [Sharma 1974: 433—450]. Время показало, что таких показателей было мало, чтобы судить о регионе как о более или менее целостной системе.

Зона Индийского океана — одна из самых конфликтных в мире. Здесь вдоль побережья расположены страны с ненадежными социальными и политическими структурами, большое число так называемых “failed states”, или несостоявшихся стран. Все

это действительно требовало концептуального осмысления индийскими конфликтологами. Рассматривая узлы военно-политической конфронтации на афро-азиатском побережье Индийского океана, профессор К. Мишра предложил свою классификацию конфликтов, выделив несколько общих типов: конфликты между Севером и Югом (к примеру, в Персидском заливе из-за цен на нефть), между традиционализмом и процессом модернизации и, наконец, в более широком плане — между Западом и Востоком [Misra, Naraganan 1981: 10—11].

В связи с повышением с 1980-х гг. конфликтного потенциала собственно в акватории океана в результате подписания в декабре 1982 г. Конвенции ООН по морскому праву (были введены 200-мильные экономические зоны, что создавало необходимость для государств обеспечивать их охрану) сотрудник Института оборонных исследований и анализа в Дели П.К.С. Намбудури выдвинул модифицированный вариант известной концепции «дуги кризисов» — «кольцо кризисов», имея в виду разгоравшийся очаг конфликтов в юго-западной части океана, где расположены островные страны (Союз Коморских Островов, Республика Сейшельские Острова и др.) [Namboodiri 1981: 198].

Определенный теоретический интерес представляли точки зрения индийских ученых на особенности формирования системы МО в регионе. Так, К. Субрахманиам считает, что этот объективный процесс подвергся значительной деформации по мере того, как начиная с 1970-х гг. Индийской океан становился одним из главных центров конфронтации двух социально-экономических систем, фокусом второго этапа холодной войны. Здесь началась интенсивная гонка вооружений двух противостоявших военно-политических блоков, затрагивающая в первую очередь именно военно-морскую составляющую [Subrahmanyam 1982: 10—11].

Вслед за некоторыми американскими политологами К. Субрахманиам обратил внимание на развитие процесса полицентризма в зоне Индийского океана, который привел к формированию здесь «мини-центров силы»:

Индии — в Южной Азии, Ирана — в Персидском Заливе, ЮАР — на юге Африки. Как отмечает индийский эксперт, такой крупнейший центр мировой политики, как бассейн Индийского океана, уже нельзя было рассматривать с учетом лишь двухполюсных отношений. В широком смысле прибрежные развивающиеся страны при всех их различиях и противоречиях стали самостоятельным элементом МО в регионе.

К. Субрахманиам приходит к выводу, что поскольку биполярная модель международных отношений на глобальном уровне длительное время базировалась так или иначе на «двусторонней игре», корни которой лежали в доктрине ядерного сдерживания, только США и СССР были по-настоящему независимы в принятии внешнеполитических решений. Остальные же страны, в том числе развивающиеся, вынуждены были опираться на поддержку и помощь той или иной сверхдержавы при проведении своего внешнеполитического курса.

Ученый проанализировал также механизм воздействия на индоокеанскую систему международных отношений — прежде всего советско-американских — на глобальном уровне. Для этого он использовал идеологизированную схему «игры с нулевым вариантом», или «нулевой суммой», разработанную американскими политологами, согласно которой любое неблагоприятное для интересов США событие как в мире в целом, так и в отдельном регионе в частности (например, в Индийском океане) автоматически зачислялось в актив СССР, и наоборот [Subrahmanyam 1982: 12—14].

Профессор Университета им. Дж. Неру К.П. Сингх, анализируя проблемы безопасности в Индийском океане, указывает на различия между развитыми и развивающимися государствами в этой сфере. По его мнению, гонка вооружений в развитых странах не всегда приводила к войнам или вооруженным конфликтам в тех частях земного шара, где они сами расположены. Но она приводила, как правило, к конфликтам или же интервенционистским войнам в развивающемся мире, включая регион Индийского океана. Если для

развитых стран конфликты выливались в эмбарго, всевозможные ограничения торговли и других связей, прекращение финансовой и иной помощи, то в развивающемся мире неизбежно возникала угроза ограниченной войны. В качестве примеров он приводит вооруженные конфликты между Ираном и Ираком, Сомали и Эфиопией и др. [Singh 1981: 21—25].

Несмотря на (а может быть скорее вопреки) разнообразные типы напряженности в ИО, в начале 1970-х гг. здесь родилась идея создания «зоны мира». Она наиболее полно отразила отношение прибрежных стран к проблемам мира, безопасности, гонке вооружений и конфликтам в регионе. Концепция «зоны мира» в Индийском океане (IOZOP) была выдвинута по инициативе Шри-Ланки на III Конференции неприсоединившихся стран в Лусаке в 1970 г., принята в 1971 г. на XXVI сессии ГА ООН и закреплена в резолюции № 2832¹. Однако со временем концепция претерпела сложную зигзагообразную эволюцию, что было обусловлено многими факторами, главным образом изменениями обстановки в Индийском океане и мире в целом.

После ухода Великобритании «к Востоку от Суэца» зона Индийского океана не стала «вакуумом силы», а превратилась в арену соперничества нескольких внерегиональных держав и крупных прибрежных государств, которые претендовали здесь на роль «центров силы» (Индия, Иран, Индонезия и др.). В связи с этим именно малые прибрежные и островные страны (Маврикий, Мадагаскар и др.), опасавшиеся всех претендентов на региональное лидерство, стали инициаторами создания «зоны мира» [Kaushik 1972]. Это была первая особенность данной концепции. Вторая состояла в том, что концепция предусматривала три уровня реализации — концептуальный, декларируемый и практический. Об этом

¹ Резолюция ГА ООН № 2832 (XXVI) «Объявление Индийского океана зоной мира» от 16 декабря 1971 г. // Официальный сайт Генеральной Ассамблеи ООН. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/2832%28XXVI%29> (дата обращения: 13.01.2020).

интересно писал в своих воспоминаниях Постоянный представитель Индии в Специальном комитете ООН по Индийскому океану Т.Р. Сринивасана².

Отношение Индии к концепции и общей ситуации в Индийском океане тоже менялось: от критики военно-морских курсов великих держав на основе принципа «равной удаленности» до признания военно-стратегической политики США главным препятствием на пути решения проблем безопасности в регионе и выступлений против иностранных военных баз, в первую очередь против базы на о. Диего-Гарсия, а также иностранного военного присутствия на постоянной основе.

Спустя годы К. Субрахманиам, ведущий индийский эксперт по безопасности, признавал, что Индия двигалась в фарватере концепции «зоны мира» в Индийском океане, но не была ее активным промоутером. К. Субрахманиам скептически относился как к инициативе Шри-Ланки и пониманию реальности региональной ситуации со стороны более радикально настроенного крыла Движения неприсоединения, так и к кампании, развернутой странами Запада против реализации данной концепции, противоречащей их интересам [Subrahmanyan 1989: 224—230]. Однако спустя 45 лет о концепции «зоны мира» вспомнили.

Второй этап

Второй этап открыл новую страницу в МО в Индийском океане в силу двух процессов глобального и регионального уровней.

На глобальном уровне: 1) произошло расширение функций Индийского океана как связующего пространства между Тихим и Атлантическим океаном³; 2) возросла

² Sreenivasan T.P. New wars on the Cold War relic // *The Hindu*. December 16, 2014. URL: <https://www.thehindu.com/opinion/lead/lead-article-new-wars-on-the-cold-war-relic/article6694860.ece>. (accessed: 13.01.2020).

³ В основном за счет: а) расширения дешевого транзита таких стратегически важных ресурсов, как нефть и газ, а также другого сырья и товаров; б) тенденции к созданию структур межгосударственного сотрудничества в разных областях; в) использования путей к Антарктиде, которая вызывает все больший стратегиче-

стратегическая роль водного пространства, то есть так называемого «морского фактора», морской безопасности и морской силы для обеспечения безопасности морских границ государств, усилилось стремление к расширению районов влияния, охраны ключевых морских коммуникаций (SLOC), проливов и «узких горлышек», произошло расширение борьбы с нетрадиционными угрозами безопасности и пиратством; 3) актуализировалась потребность во всесторонней модернизации военно-морских сил (ВМС) в прибрежных странах и разработке инновационных морских стратегий, в первую очередь в Индии и Китае, которые предприняли попытки активного продвижения к статусу глобальных и великих морских держав со всеми их атрибутами (в первую очередь океаническим флотом); 4) появились новые акторы в регионе Индийского океана — Япония, ФРГ, Республика Корея. Все это дало основание для утверждения новой, расширенной дефиниции региона — «Большой Индийский океан» (БИО), по аналогии с Большим Ближним Востоком, Большой Восточной Азией и т. д.

На втором этапе регион Индийского океана подвергся серьезным изменениям своей географической конфигурации: ушло в прошлое биполярное противостояние между СССР и США; Индия приступила к реализации «поворота на Восток», что отразилось на развитии ее морской политики; Китай начал проникновение в Индийский океан, в связи с чем обострились индийско-китайские отношения и стартовало формирование геополитического «треугольника» Индия — США — Китай. Одновременно шла структуризация других «треугольников» ad hoc: Китай — Индия — Япония в Аденском заливе для борьбы против пиратства или Китай — Пакистан — Индия из-за конфликта в Кашмире. Соответственно появились новые концепции

ский и ресурсный интерес мировых держав; г) наличия большого количества биоресурсов как на дне океана, так и в прибрежных водах; д) изучения космоса и океанских глубин, а также испытаний новых технологий для таких исследований, решения экологических проблем моря и т.п.

и геостратегии, которые предлагается объединить в несколько групп.

I группа. Рубежный 1991 г., год распада биполярной системы, ознаменовался инициативой премьер-министра Индии Н. Рао — объявлением курса на интенсификацию связей с АСЕАН. Данный курс имел несколько особенностей.

Во-первых, он не обрел впоследствии форму какой-либо законченной концепции — в 1994 г. на своем выступлении в Сингапуре Н. Рао обозначил концепт курса словами: «Смотри на Восток» (Look East Policy, LEP), но в официальных документах это название впервые было использовано лишь в 1996 г. в «Ежегодном докладе» МИД Индии⁴.

Во-вторых, реализация курса LEP началась раньше, чем КНР приняла стратегию создания цепи опорных точек в Индийском океане, то есть этот курс не являлся ответным шагом индийской стороны, как ошибочно считали и считают некоторые исследователи.

В-третьих, ключевое место в курсе LEP занимало обеспечение безопасности коммуникаций на стыке Индийского и Тихого океанов, в первую очередь, для противодействия росту влияния КНР в акватории индоокеанской зоны, развития морских связей с Юго-Восточной (ЮВА) и Северно-Восточной Азией (СВА), а также для борьбы с пиратством на восточном и западном флангах Индийского океана.

Наконец, новый курс способствовал ускорению модернизации ВМС Индии, разработке военно-морских стратегий (в 2004, 2007, 2009 и 2015 гг.) и общему повышению роли военно-морских сил на стыке двух океанов.

Руководители страны, не имея четкой концепции LEP, тем не менее, поставили во главу угла ряд концептуальных принципов — более глубокое осознание роли и места Индии в мире и меняющейся глобальной экономике с тем, чтобы наилучшим образом интегрироваться в нее, сделав ставку на экономический прагматизм. Расширение взаимодействия Индии с АСЕАН давало первой

возможность реализации широкомасштабных рыночных реформ в стране и углубления ее внешних стратегических связей с ЮВА, а позже и с СВА. Индия принимала во внимание давние и прочные культурно-цивилизационные и исторические связи с членами АСЕАН, их географическую близость и наличие индийского населения в регионе.

Благодаря этому новому подходу Индии удалось создать предпосылки для дальнейшего продвижения в АТР, освоить новое морское пространство, добиться статуса члена или наблюдателя в ключевых региональных структурах региона — ШОС, Восточно-Азиатском саммите (ВАС), многих институтах АСЕАН (Региональном форуме и др.), а также многосторонних форматах второго ряда — Западно-Тихоокеанском военно-морском симпозиуме (WPNS), Региональном соглашении о борьбе с пиратами и вооруженным разбоем против кораблей в Азии (ReCAAP) и др., то есть, по сути, стать не только индоокеанским, но и тихоокеанским игроком.

Незаконченность и нечеткость концепта LEP, отсутствие плана реализации курса давали поводы экспертам выдвигать свои концепции его особенностей и этапов реализации.

Профессор С.Д. Муни, приняв во внимание историческую ретроспективу отношений Индии со странами ЮВА, выдвинул идею четырех волн сближения со странами АСЕАН: 1) доколониальное прошлое; 2) колониальный период; 3) постколониальный этап; 4) современность он обозначил как четвертую волну. На разных этапах, по его мнению, существовали свои специфические особенности в силу, например, влияния в колониальную эпоху стратегического аспекта политики Британской империи, позже — воздействия императивов XX в. или внутриазиатских конфликтов. С.Д. Муни посчитал незаслуженно обойденными вниманием инициативы Р. Ганди, который в конце 1980-х гг. стремился к восстановлению отношений Индии с государствами ЮВА. По существу, эти инициативы стали предпосылкой курса LEP. Ученый выделил в концепте три фактора, от которых зависела, по его мнению, реализация

⁴ Ministry of External Affairs. New Delhi. 1996. No. 7. P. 118.

LEP: подъем Китая; динамика отношений в стратегическом «треугольнике» Индия — Китай — США; действия политического истеблишмента Индии [Muni 2012].

II группа. Морская тематика первого этапа, безусловно, оказалась в фокусе внимания индийских исследователей. Так, выпущенная в 2004 г. военно-морская доктрина Индии⁵ воодушевила С.Р. Мохана не только на проработку содержащихся в ней положений, но и на их увязывание с «большой стратегией» Индии по вопросам безопасности, что было инновационным по тем временам. Используя методы системного анализа, широко применяемого в ТМО, он спроецировал их на индийскую реальность и разделил поле «большой стратегии» на три концентрических круга, определив в их границах стратегические задачи, причем более четко, чем это было сделано в ряде официальных документов: первый круг — Индия и ее ближайшие соседи на субконтиненте; второй круг — так называемое «расширенное соседство» — другие части Азии и зона Индийского океана; третий круг — весь остальной мир [Winner 2008: 129—135].

В целом концепцию С.Р. Мохана можно охарактеризовать, по терминологии ТМО, как взгляды представителя школы реализма.

Исходя из морского контекста, в первом круге С.Р. Мохан определил две главные задачи: охрана побережья и способность противостоять наиболее сильным среди южноазиатских стран, в первую очередь — ВМС давнего соперника Индии — Пакистана, которому в течение длительного времени КНР оказывала разнообразную, в том числе военно-техническую помощь.

Во втором круге задачи индийских ВМС сводятся к охране торговых и особенно нефтяных потоков, идущих из Персидского залива, а также противодействию пиратам в Малаккском проливе и у берегов Африканского Рога. И если проведение операций в рамках первого круга на море возлагалось

на корабли индийского ВМФ и береговую охрану, то для второго требовалась определенная степень сотрудничества с соседями, чтобы совместно решать обе задачи.

Не следует оставлять без внимания еще одну задачу — проекцию передового присутствия Индии в Индоокеанском регионе с тем, чтобы обозначить в регионе свои политические интересы и сбалансировать растущее присутствие других азиатских морских держав, среди которых выделяется Китай.

В третьем круге ВМС Индии должны были осуществлять более сложные миссии, которые под силу именно великой морской державе и ключевому актору глобальных МО. Среди таких миссий, например, демонстрация морской мощи вне Индоокеанского региона [Winner 2008: 129—135].

Профессор К.Р. Сингх, возглавлявший несколько лет Отдел морских проблем в Калькуттском университете, выдвинул концепцию необходимости ускоренного освоения морских пространств вокруг Индии в связи с появлением новых факторов: урбанизации береговой полосы, освоения потенциальных ресурсов, составляющего три четверти сухопутной территории страны морского дна не только в границах исключительной экономической зоны (ИЭЗ), но и шире — на так называемом «легальном континентальном шельфе» (LCS). Он простирается на 350 морских миль от берега и предоставляет дополнительно свыше 1,5 млн кв. км дна, что в итоге вместе с ИЭЗ составляет больше самой территории Индии. Эти факторы стимулировали интенсивное строительство новых портов, хранилищ, ремонтных доков, организацию институтов подготовки современных специалистов в области навигации, изучения биоресурсов, управления морской экономикой и т. п.

Что касается нетрадиционных проблем безопасности на море, К.Р. Сингх отметил целесообразность решать их комплексно, поскольку это не может быть сделано лишь за счет морских (флот и береговая охрана) или сухопутных (полиция и портовые власти) средств обороны. Поскольку зона, требующая обеспечения безопасности, распространяется

⁵ Indian Maritime Doctrine, Integrated Headquarters. 25.04.2004. New Delhi: Ministry of Defense (Navy), 2004. P. 21, 22, 63, 64.

на прибрежные и сухопутные территории страны, а также прилегающие морские пространства, контрмеры должны были включать в себя механизмы, которые координировали бы работу служб, обеспечивающих безопасность как на суше, так и на море [Singh 2008: 101].

По сути, и С.Р. Мохан, и К.Р. Сингх (каждый по-своему) с расчетом на перспективы суммировали неоднозначные и иногда противоречивые концептуальные взгляды ведущих индийских адмиралов — А. Пракаша, Р. Рой-Чаудхури, В.С. Шекхавата, П.В. Рао, С. Мехты, Х.С. Ахлувалиа и др., выражаемые в течение многих лет до или после принятия Морской доктрины 2004 г. Если С.Р. Мохан системно очертил три круга деятельности в морском пространстве и задачи ВМС для каждого из этих кругов, то К.Р. Сингх заострил внимание на конкретных деталях и необходимых направлениях в технологическом развитии индийских ВМС, сравнивая их с возможностями ВМС соседних и внерегиональных государств, а также выдвинул актуальную задачу освоения потенциала морских ресурсов в интересах экономического и оборонного развития страны.

III группа стратегий касается сложных отношений Индии с Китаем. В данном контексте любопытен и далеко не случаен концепт «азиатского парадокса», который с 2000-х гг. приобрел две формулировки — «сотрудничество — соперничество», а по мере их обострения — «сотрудничество — соперничество — конфликт» (3C's — cooperation — competition — conflict). Однако соперничество в стратегической сфере не мешало Китаю и Индии развивать двусторонние отношения в торгово-экономической, политической, культурной и даже в военной сферах, но по отдельным вопросам. В этом состоит суть «азиатского парадокса» — при развитии и углублении отношений в разных сферах, в стратегической, а нередко и политической области они остаются напряженными иходящими порой до открытого конфликта.

В эту схему вписываются оригинальные рассуждения индийского ученого С.С. Пармара о необходимости оценки преимуществ Индии и Китая не столько на том или ином

морском пространстве Индийского океана, сколько в их сочетании на море и на суше. С.С. Пармар справедливо принимает в расчет замеченную им закономерность: напряженность, возникавшая между странами на суше в пограничных районах, неминуемо проявлялась и на море или наоборот. В таком случае, по его мнению, важно следующее:

1) хотя КНР и помогала строить порты в Мьянме, Шри-Ланке и Пакистане, у Индии оставалась возможность противостоять китайским усилиям за счет географической близости и развития не менее эффективных отношений по другим каналам с этими странами;

2) в Китае осознавали, что уровень его морского присутствия в Индийском океане на первых порах не шел в сравнение с индийским, а потому время от времени разворачивались раздражавшие Индию кампании давления на суше — в пограничных районах или за счет предоставления военной помощи соседнему Пакистану [Parmar, Salil 2011].

Наибольшие опасения в Индии связывались с китайской стратегией создания цепи опорных точек вдоль побережья Индийского океана. Концепт этой стратегии не был как-то оформлен в Пекине, а появился под названием «Нить жемчуга» в ноябре 2004 г. в закрытом докладе Министерства обороны США «Будущее энергетики в Азии», подготовленном консалтинговой компанией BoozAllen Hamilton⁶. Название никогда не использовалось КНР официально, но приобрело популярность в политологической литературе и СМИ. При этом Китай наращивал свое военно-морское присутствие в акватории Индийского океана: поменял состав отрядов военных кораблей, участвующих в борьбе с пиратами в Аденском заливе, на крупные боевые суда, стал чаще направлять свои подводные лодки в Индийский океан и др. Кроме того, Пекин вел активные переговоры с островны-

⁶ Drun J. China's Maritime Ambitions: a Sinister String of Pearls or a Benevolent Silk Road (or Both)? // Center for Advanced China Research. December 6, 2017. URL: <https://www.ccpwatch.org/single-post/2017/12/05/China%E2%80%99s-Maritime-Ambitions-a-Sinister-String-of-Pearls-or-a-Benevolent-Silk-Road-or-Both> (accessed: 13.01.2020).

ми странами с целью получить доступ для создания новых баз.

В ответ Индия предприняла ряд ответных мер: начала укрепление партнерских отношений с Вьетнамом, Австралией, Японией; изменила концептуально отношение к обсуждению вопросов безопасности в формате Ассоциации регионального сотрудничества стран Индийского океана (АРСИО), от чего прежде отказывалась; инициировала создание Военно-морского симпозиума Индийского океана (IONS), а также проведение совместных многосторонних маневров с разными партнерами [Куприянов 2018]; реализовала концепцию «Индийский океан — 3» в формате трехстороннего сотрудничества с островными государствами (Шри-Ланка, Мальдивы), которая впоследствии трансформировалась в «Индийский океан — 5» (к сотрудничеству присоединились Сейшельские Острова и Маврикий). Таким образом, борьба за влияние в Индийском океане значительно обострилась, а проникновение в регион Пекина толкало Индию на сближение с США.

Третий этап

С начала 2010-х гг. БИО и АТР переживают невиданную прежде кардинальную перестройку, динамизм которой придает ряд факторов: угрозы, исходящие от действий Китая для США, их союзников и партнеров в данных регионах; необходимость поиска механизмов, сдерживающих рост военного потенциала Китая; рост взаимозависимости по разным, преимущественно экономическим, направлениям и др.

В конечном счете оба региона стали представлять не иначе как Indo-Pacific (Индо-Пасифик). Считается, что данный термин был выдвинут государственным секретарем США Х. Клинтон, которая в 2011 г. предложила концепцию Индо-Тихоокеанского региона (ИТР), согласно которой новая американская стратегическая активность распространялась от западных берегов США до Индостанского субконтинента⁷.

⁷ Clinton H.R. *America's Pacific Century* // Foreign Policy. October 11, 2011. URL: <https://foreignpolicy.com/2011/10/11/americas-pacific-century/> (accessed: 13.01.2020).

Однако появлению этой концепции предшествовала череда схожих идей. Первое упоминание о концепте Indo-Pacific (нем. *Indopazifischen Raum*) в геополитическом контексте принадлежало основателю немецкой школы геополитики К. Хаусхоферу и датируется 1920 г. Позже закрепилось более широкое геоэкономическое и геополитическое понятие «Азиатско-Тихоокеанский регион» (англ. *Asia-Pacific*). В научном обороте Indo-Pacific прозвучал снова в 1960-е гг. в Австралии в контексте анализа вопросов региональной безопасности или процессов регионализации глобальной экономики [Яник 2019: 64—83].

В конце 1990-х гг. и в Индии, и в Японии шло обсуждение идеи, которая предлагала рассматривать восточную зону Индийского океана как единое стратегическое пространство с Тихим океаном, где система безопасности рассматривалась в границах треугольника, углами которого были бы Индия, Австралия с Новой Зеландией и Китай с Японией. Эта конфигурация не включала США, и, по всей видимости, именно поэтому вопрос о построении нового геоэкономического, геополитического и геостратегического мегарегиона отпал.

В августе 2007 г. премьер-министр Японии Синдзо Абэ в индийском парламенте озвучил концепт вновь, представив Индийский и Тихий океаны как единое водное пространство, где коалиция в составе демократических Японии, Австралии, Индии и США выступает за свободную торговлю и защищает международный порядок, универсальные политические ценности и свободный доступ к морскому пространству от амбиций недемократического Китая⁸.

В этом же году индийский эксперт Г. Кхурана положил начало серии публикаций, в которых акцентировал внимание на формировании связки Индия — АСЕАН —

⁸ *Confluence of the Two Seas*. Speech by H.E. Mr. Shinzo Abe, Prime Minister of Japan at the Parliament of the Republic of India // Ministry of Foreign Affairs of Japan official website. August 22, 2007. URL: <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/pmv0708/speech-2.html> (accessed: 13.01.2020).

Япония как основы нового мегарегиона. Особо он выделил японо-индийские связи по многим каналам, в которых для обеих сторон одинаково важны проблемы морских коммуникаций и их охраны. Концепт Г. Кхураны был еще одним подтверждением растущей роли Индии в качестве важного актора в АТР [Khurana 2018; 2019].

Индийский эксперт А. Панда, исследуя тренд к реинкарнации «Четырехстороннего диалога по безопасности» (Quad), который с момента своего возникновения в 2007 г. ограничивался лишь обсуждением вопросов безопасности в АТР и был пассивен в целом, указал на необходимость подключения подобного формата с целью укрепления позиций стран-участниц (США, Японии, Индии и Австралии) в формирующемся регионе. Для этого важен ряд условий: 1) центральное место АСЕАН; 2) несмотря на то, что ключевой задачей создания концепта Индо-Пасифики остается сдерживание Китая, следует избегать военного акцента в деятельности ее участников; 3) упор в сотрудничестве четырех стран должен делаться на геэкономике, поддержание свободы морских путей и порядка на море; 4) США уступают Китаю в борьбе за влияние в регионе, поэтому для сохранения баланса сил требуется более активная роль Индии, Австралии и Японии⁹.

В ноябре 2017 г. на саммите АТЭС в Дананге (Вьетнам) президент США Д. Трамп выдвинул собственную концепцию «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона». В ней под «свободой» подразумевалась способность стран региона защищать свой суверенитет, свободные гражданские общества, фундаментальные права человека, противодействие коррупции. «Открытость» региона также означала открытые морские и воздушные коммуникации, открытую инфраструктуру, способствующую региональной

⁹ Panda A. US, Japan, India, and Australia Hold Working-Level Quadrilateral Meeting on Regional Cooperation: The 'Quad' is back // *The Diplomat*. November 13, 2017. URL: <https://thediplomat.com/2017/11/us-japan-india-and-australia-hold-working-level-quadrilateral-meeting-on-regional-cooperation/> (accessed: 13.01.2020).

интеграции, открытый инвестиционный климат, открытую честную торговлю на основе взаимности¹⁰.

Однако в части экономического сдерживания Китая, похоже, таится концептуальный просчет Д. Трампа: отказавшись от участия в Транстихоокеанском партнерстве (ТТП), он объективно сузил американские возможности комплексной реализации проекта Индо-Пасифики. Вместе с тем, стремясь усилить курс на сдерживание Китая и оценивая возрастающую и более активную роль Индии в политических и экономических процессах далеко вне границ Южной Азии, Д. Трамп повысил уровень партнерства с Дели, которое становится в перспективе почти столь же приоритетным, как союз с Японией. Напомним, что в 2016 г. США наделили Индию статусом «основного партнера США по обороне», что открыло для Дели доступ к американской оборонной продукции и технологиям наравне с ближайшими союзниками и партнерами США. Кроме того, было подписано соглашение ЛЕМОА о военной логистике или военных базах, которое обсуждалось сторонами 12 лет и стало важным рубежом и еще одним подтверждением их значительного сближения [Stephen 2016: 599].

Последствия перестройки ИТР

А как на подобные шаги отвечает Китай? Осенью 2013 г. Пекин объявил о плане «Морской Шёлковый путь XXI века» (компонент концепта евразийской интеграции «Один пояс, один путь» (ОПОП)). Оба проекта были встречены Индией, по сути ключевым и центральным их звеном в Индийском океане, отрицательно ввиду прямой многоаспектной геополитической и военно-стратегической конкуренции Дели и Пекина в Южной Азии и БИО.

В 2018 г. китайские официальные власти объявили о своей готовности обеспечить

¹⁰ Remarks by President Trump at APEC CEO Summit, Da Nang, Vietnam // *The White House*. November 10, 2017. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-apec-ceo-summit-da-nang-vietnam/> (accessed: 13.01.2020).

гарантии безопасности проектам ОПОП и «Морской шелковый путь» за счет ряда мер: введения в эксплуатацию военно-морской базы в Джибути, которая дает возможность Китаю контролировать Баб-эль-Мандебский пролив; поэтапного плана трансформации пакистанского порта Гвадар в полноценную базу¹¹; создания экономического коридора между Китаем и Пакистаном в рамках ОПОП и формирования контингента в 30 000 военных для размещения вдоль него якобы для защиты; регулярного направления в индоокеанскую зону крупных современных кораблей (последнее состоялось в феврале 2018 г.). Все это делает КНР одним из ключевых акторов в Южной Азии и западной части Индийского океана.

В ответ Индия выступила с пакетом транснациональных инициатив: были озвучены проекты «Маусам» (Project Mausam), «Дорога специй» (Spice Route of India Project), «Сагар Мала» (Sagar Mala), разработанные на базе опыта древних торговых и культурных связей в регионе. Но, по большому счету, они остаются скорее «концептуальными планами» (кроме «Сагар Мала») из-за проблем финансирования, собственной недостаточно развитой логистики и других причин. Индийские проекты, в отличие от успешных китайских интеграционных инициатив, развиваются медленно.

Другой формой реакции на китайские меры стал индийско-японский проект — Азиатско-африканский морской коридор роста (AAGC), озвученный 23 мая 2017 г. и предусматривающий реализацию при финансовой поддержке Японии. Суть концепции AAGC заключается в том, что она позволит странам Азии и Африки в дальнейшем интегрироваться и коллективно выступать в качестве глобального конкурентоспособного экономического блока.

В связи с нарастанием соперничества между двумя странами Индию тревожили

¹¹ Pakistan's Belt and Road port has Singapore-size goal // Belt & Road News. March 3, 2020. URL: <https://www.beltandroad.news/2020/03/03/pakistans-belt-road-port-has-singapore-size-goal/> (accessed: 10.03.2020).

и иные вопросы: как можно сдержать рост влияния Китая в БИО? В чью пользу и каким образом меняется баланс сил в регионе между морскими акторами — США, Индией, Китаем? Какие мотивы толкают Индию на сближение с США? И чего можно ожидать в будущем? Аргументированные ответы на них дал Си Раджа Мохан в монографии «Самудра Мантхан. Китайско-индийское соперничество в Индо-Тихоокеанском регионе». Он выдвинул концепцию формирования «треугольника» Индия — США — Китай на основе детального анализа истории и сложных перипетий современной сопряженности двух азиатских держав. Они двигаются параллельно, чтобы завоевать новые пространства влияния на суше и на море, но в разных направлениях — Китай в основном к Югу, к Индийскому океану и далее, Индия — на Восток, к Тихому океану, по крайней мере, его западной части. С.Р. Мохан не без оснований вписал в возникающую между ними динамику отношений США, ведущую мировую морскую державу, по существу, господствующую в акватории БИО. Острое соперничество и одновременно взаимодействие трех стран, которые не волею судьбы, а в силу меняющегося баланса сил оказались в границах огромного треугольника, станет, по мнению автора, определять во многом будущее как БИО, так и формирующегося мегарегиона Индо-Пасифики [Mohan 2012: 63, 104—105, 141, 153, 255—256].

После прихода к власти в 2014 г. новый премьер-министр Нарендра Моди объявил о переходе к курсу «Действуй на Востоке». В нем он сделал концептуальные акценты на укрепление безопасности региона Индийского океана в условиях усиления конкуренции, совершенствование военно-морского присутствия, улучшение инфраструктуры, а также усиление лидерства Индии в регионе. Это было отражено в проекте Н. Моди «Безопасность и рост для всех в регионе» для Индийского океана (SAGAR). Кроме того, предполагалось ускорение дипломатической, экономической и особенно военной интеграции с ЮВА для сохранения стабильности и баланса сил в регионе; углубление стратегических партнерских отношений с другими странами,

которые разделяют озабоченность Индии по поводу подъема Китая; налаживание отношений с Китаем посредством снижения разногласия и поиска путей взаимодействия, когда это возможно [Вајрае 2017].

В складывающихся противоречивых обстоятельствах советник по национальной безопасности Индии Аджит Доваль на очередном «Галльском диалоге» в декабре 2014 г. на Шри-Ланке в присутствии 100 делегатов из 36 стран вновь призвал к реализации концепции «зоны мира» в БИО, снижению военно-морского присутствия внерегionalных стран, возвращению их флотилий на свои базы. Однако решение вопроса в той или иной форме концепции — прежней или обновленной — странами Индийского океана с их противоречивыми позициями по проблемам безопасности и межгосударственными трениями вряд ли может быть скорым, поскольку напрямую связано с двумя непростыми условиями: 1) сможет ли Индия быть организатором и проводником в жизнь обновленной концепции? Ведь в прошлом концепция в определенной мере была направлена против Индии как крупнейшего государства Индийского океана; 2) можно ли принять полностью (или с оговорками) существующий военно-морской тандем Индия — США в изменившихся условиях в БИО? Ответы даст время.

Вместо заключения

Во-первых, индийское руководство, в целом поддерживая американскую концепцию Индо-Пасифики, не желало бы формального вхождения в какой-либо военно-политический союз под эгидой США. Подобный шаг противоречил бы принципам автономности ее внешней политики, ограничивал

ее свободу и возможность маневра не только в отношениях с Китаем, но и с другими важными для Индии партнерами, в первую очередь РФ. Объясняя индийскую позицию по данной американской концепции, Н. Моди неоднократно подчеркивал (в частности, в выступлении на Диалоге Шангри-ла в 2018 г.) важность таких ключевых принципов во внешнеполитическом курсе Индии в ИТР, как инклюзивность, открытость, ее ненаправленность против других стран и центральное место АСЕАН в нем¹².

Во-вторых, в будущем, видимо, предстоит продолжение коренной перестройки МО и в БИО, и в АТР, сближение или взаимное переплетение их компонентов и структур на едином поле, хотя на этом пути существуют препятствия (столкновение межгосударственных интересов, конфликтная ситуация в Южно-Китайском море, разные экономические уровни стран регионов, гонка вооружений, особенно в военно-морской сфере, и т.п.). Естественно, возникают закономерные вопросы: как будет реализовываться концепт ИТР? Возможно ли в той или иной мере поглощение одной системы другой, пусть и в отдаленной перспективе? Что и как меняется или будет меняться в геостратегии США при президенте США Д. Трампе в случае его переизбрания в 2020 г. или при его преемнике? Каковы будут роль и место азиатских гигантов — Китая и Индии — в ИТР?

¹² Prime Minister's Keynote Address at Shangri La Dialogue // Ministry of External Affairs of India. June 01, 2018. URL: <https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/29943/Prime+Ministers+Keynote+Address+at+Shangri+La+Dialogue+June+01+2018> (accessed: 10.02.2020).

Поступила в редакцию / Received: 15.03.2020
Принята к публикации / Accepted: 20.04.2020

Библиографический список

- Куприянов А.А. Геополитика моря: идея контроля над океаном в политическом дискурсе независимой Индии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 2. С. 234—246. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-234-246

- Куприянов А.А.* Учения IBSAMAR: императивы Индии и перспективы трансформации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 3. С. 628—641. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-3-628-641
- Яник А.А.* Продвижение концепции Indo-Pacific как механизм изменения регионального стратегического баланса: от Хаусхофера до Трампа // Конфликтология / Nota bene. 2019. № 4. С. 64—83. DOI: 10.7256/2454-0617.2019.4.31457
- Bajraee C.* Dephasing India's Look East / Act East Policy // *Contemporary Southeast Asia*. 2017. Vol. 39. No. 2. P. 348—372. DOI: 10.1355/cs39-2d
- Kaushik D.* *The Indian Ocean towards a Peace Zone*. New Delhi: Vikas Publication, 1972.
- Khurana G.K.* Trump's New Cold War Alliance in Asia Is Dangerous // *New Perspectives Quarterly*. 2018. Vol. 35. Iss. 1. P. 7—10. DOI: 10.1111/npqu.12114
- Khurana G.K.* What Is the Indo-Pacific? The New Geopolitics of the Asia-Centred Rim Land // *Geopolitics by Other Means. The Indo-Pacific Reality* / Ed. by A. Berkofski, S. Miracola. Milan: Ledizioni LediPublishing, 2019. P. 13—32.
- Mallavarapu S.* Development of International Relations Theory in India: Traditions, Contemporary Perspectives and Trajectories // *International Studies*. 2009. Vol. 46. No. 1—2. P. 165—183. DOI: 10.1177/002088171004600211
- Misra K.P., Naraganan K.R.* *Non-Alignment in Contemporary International Relations*. New Delhi: Vikas Publication, 1981.
- Mohan C.R.* *Samudra Manthan. Sino-Indian Rivalry in the Indo-Pacific*. Washington: United Book Press, 2012.
- Mohan C.R.* The Re-making of Indian Foreign Policy // *International Studies*. 2011. Vol. 46. No. 1—2. P. 147—163. DOI: 10.1177/002088171004600210
- Muni S.D.* India's 'Look East' Policy: The Strategic Dimensions // *Perspectives on South Asian Security* / Ed. by S.M. D'Souza, R. Jetly. Singapore: World Scientific Publishing Co., 2012. P. 67—99. DOI: 10.1142/9789814407366_0004
- Namboodiri P.K.S.* The Indian Ocean Front // *Strategic Analysis*. 1981. Vol. 5. No. 5—6. P. 196—205.
- Panikkar K.M.* *India and the Indian Ocean: An Essay on the Influence of Sea Power on Indian History*. New York: Macmillan Company, 1945a.
- Panikkar K.M.* Regional Organization for the Indian Ocean Area // *Pacific Affairs*. 1945b. Vol. 18. No. 3. P. 246—251.
- Parmar S.S., Salil S.* China and India: Maritime Commonalities and Divergences // *Journal of Defence Studies*. 2011. Vol. 5. Iss. 3. P. 144—150.
- Poulose T.T.* *Indian Ocean Power Rivalry: Analytical Study of the Littoral States Perspective*. New Delhi: Young Asia Publications, 1974.
- Sen Gupta Bh., Poulose T.T., Bhatia H.* *The Malacca Strait and the Indian Ocean: A Study of the Strategic and Legal Aspects of a Controversial Sea-Lane*. New Delhi: Macmillan, 1974.
- Sharma R.S.* The Indian Ocean and Its Community. A Geographical Approach // *Indian Ocean Power Rivalry: Analytical Study of the Littoral States Perspective* / Ed. by T.T. Poulose. New Delhi: Young Asia Publications, 1974. P. 433—450.
- Singh K.P.* The Subcontinent Differing Perceptions // *World Focus*. 1981. No. 13. P. 21—25.
- Singh K.R.* *Maritime Security for India. New Challenges and Responses*. New Delhi: New Century Publications, 2008.
- Stephen M.D.* India and BRICS: Global Bandwagoning and Regional Balancing // *Vestnik RUDN. International Relations*. 2016. Vol. 16. No. 4. P. 595—602. DOI: 10.22363/2313-0660-2016-16-4-595-602
- Subrahmanyam K.* Arms Limitation in the Indian Ocean: Retrospect and Prospect // *Superpower Rivalry in the Indian Ocean and American Perspectives* / Ed. by S.S. Harrison, K. Subrahmanyam. New York: Oxford University Press, 1989. P. 223—245.
- Subrahmanyam K.* *Indian Security Perspectives*. New Delhi: ABC Publishing House, 1982.
- Winner A.C.* India as a Maritime Power? // *Asia Looks Seaward. Power and Maritime Strategy* / Ed. by T. Yoshihara, J.R. Holmes. Washington: Praeger, 2008. P. 125—146.

References

- Bajraee, C. (2017). Dephasing India's Look East / Act East Policy. *Contemporary Southeast Asia*, 39 (2), 348—372. DOI: 10.1355/cs39-2d
- Kaushik, D. (1972). *The Indian Ocean towards a Peace Zone*. New Delhi: Vikas Publication.

- Khurana, G.K. (2018). Trump's New Cold War Alliance in Asia Is Dangerous. *New Perspectives Quarterly*, 35 (1), 7—10. DOI: 10.1111/npqu.12114
- Khurana, G.K. (2019). What Is the Indo-Pacific? The New Geopolitics of the Asia-Centred Rim Land. In: Berkofski, A. & Miracola, S. (Eds.). *Geopolitics by Other Means. The Indo-Pacific Reality*. Milan: Ledizioni LediPublishing. P. 13—32.
- Kupriyanov, A.V. (2018). IBSAMAR: India's Imperatives, Transformation Prospects. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (3), 628—641. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-3-628-641. (In Russian).
- Kupriyanov, A.V. (2019). Geopolitics of the Sea: the Idea of Ocean Control in the Political Discourse of Independent India. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (2), 234—246. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-234-246. (In Russian).
- Mallavarapu, S. (2009). Development of International Relations Theory in India: Traditions, Contemporary Perspectives and Trajectories. *International Studies*, 46 (1—2), 165—183. DOI: 10.1177/002088171004600211
- Misra, K.P. & Naraganan, K.R. (1981). *Non-Alignment in Contemporary International Relations*. New Delhi: Vikas Publication.
- Mohan, C.R. (2011). The Re-making of Indian Foreign Policy. *International Studies*, 46 (1—2), 147—163. DOI: 10.1177/002088171004600210
- Mohan, C.R. (2012). *Samudra Manthan. Sino-Indian Rivalry in the Indo-Pacific*. Washington: United Book Press.
- Muni, S.D. (2012). India's 'Look East' Policy: The Strategic Dimensions. In: D'Souza, S.M. & Jetly, R. (Eds.). *Perspectives on South Asian Security*. Singapore: World Scientific Publishing Co. P. 67—99. DOI: 10.1142/9789814407366_0004
- Namoodiri, P.K.S. (1981). The Indian Ocean Front. *Strategic Analysis*, 5 (5—6), 196—205.
- Panikkar, K.M. (1945a). *India and the Indian Ocean: An Essay on the Influence of Sea Power on Indian History*. New York: Macmillan Company.
- Panikkar, K.M. (1945b). Regional Organization for the Indian Ocean Area. *Pacific Affairs*, 18 (3), 246—251.
- Parmar, S.S. & Salil, S. (2011). China and India: Maritime Commonalities and Divergences. *Journal of Defence Studies*, 5 (3), 144—150.
- Poulose, T.T. (1974). *Indian Ocean Power Rivalry: Analytical Study of the Littoral States Perspective*. New Delhi: Young Asia Publications.
- Sen Gupta, Bh., Poulose, T.T. & Bhatia, H. (1974). *The Malacca Strait and the Indian Ocean: A Study of the Strategic and Legal Aspects of a Controversial Sea-Lane*. New Delhi: Macmillan.
- Sharma, R.S. (1974). The Indian Ocean and Its Community. A Geographical Approach. In: Poulose, T.T. (Eds.). *Indian Ocean Power Rivalry: Analytical Study of the Littoral States Perspective*. New Delhi: Young Asia Publications. P. 433—450.
- Singh, K.P. (1981). The Subcontinent Differing Perceptions. *World Focus*, 13, 21—25.
- Singh, K.R. (2008). *Maritime Security for India. New Challenges and Responses*. New Delhi: New Century Publications.
- Stephen, M.D. (2016). India and BRICS: Global Bandwagoning and Regional Balancing. *Vestnik RUDN. International Relations*, 16 (4), 595—602. DOI: 10.22363/2313-0660-2016-16-4-595-602
- Subrahmanyam, K. (1982). *Indian Security Perspectives*. New Delhi: ABC Publishing House.
- Subrahmanyam, K. (1989). Arms Limitation in the Indian Ocean: Retrospect and Prospect. In: Harrison, S.S. & Subrahmanyam, K. (Eds.). *Superpower Rivalry in the Indian Ocean and American Perspectives*. New York: Oxford University Press. P. 223—245.
- Winner, A.C. (2008). India as a Maritime Power? In: Yoshihara, T. & Holmes, J.R. (Eds.). *Asia Looks Seaward. Power and Maritime Strategy*. Washington: Praeger. P. 125—146.
- Yanik, A.A. (2019). Advancement of the Indo-Pacific Concept as a Mechanism for Changing the Regional Strategic Balance: from Haushofer to Trump. *Conflictology / Nota bene*, 4, 64—83. DOI: 10.7256/2454-0617.2019.4.31457. (In Russian).

Сведения об авторе: Лебедева Нина Борисовна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра индийских исследований Института востоковедения Российской академии наук (e-mail: indology@inbox.ru).

About the author: Lebedeva Nina Borisovna — PhD in History, Leading Researcher, Centre for Indian Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (e-mail: indology@inbox.ru).